

Вета Чурминова

Острие её воли

18+

Вета Чурминова

Острие её воли

<https://litres.ru/74457522>

SelfPub; 2026

Аннотация

#Пророчество гласит: Морана станет Смертью и займёт место отца. Он заточил её в Нави, выдал замуж за Чернобога и отнял любимого. Но даже в темнице богиня находит силу — и любовь. Когда мир богов восстаёт против неё, единственной опорой оказывается смертный Кирилл, который не ищет власти, а просто верит в неё.

Вместе они проходят через предательства, магические ловушки и божественный суд. Морана теряет всё, но обретает нечто большее — искреннюю преданность, которая не зависит от пророчеств. И когда она оказывается в современном мире, среди гаджетов и бетонных джунглей, она понимает: её настоящая битва — не за трон, а за право сохранить то единственное тепло, что согревает даже Смерть.

Судьба исполнится. Вопрос лишь в том, какой ценой и с кем рядом.

Вета Чурминова

Острие её воли

Глава 1

1 ГЛАВА

Яркий луч солнца бьет по глазам и вышибает из пелены сна. Ночь пролетела слишком быстро, будто ее и вовсе не было. Кирилл растирает лицо руками, уговаривая себя, что сегодня все будет чуточку лучше, хотя прекрасно понимает, что это наглая ложь.

Последний зимний месяц выдался на редкость теплым даже по сравнению с последними годами. Снег пока не сошел до конца, хотя изрядно подтаял. Еще не настолько, чтобы доставать кроссовки, но достаточно, чтобы обругивать недобросовестных собачников за дерьмо на тротуарах и детских площадках.

Нащупав на прикроватной тумбочке очки, Кирилл, как обычно, цепляет их на себя и сползает с постели. За последний год его зрение сильно село, но говорить об этом отцу и, тем более, мачехе он не собирался. Пока в этих очках он видит хоть что-то – будет таскать их, разве что они сами не развалятся. Не потому что это какая-то ценность или чей-то памятный подарок. Просто так. Из принципа.

С рождения Кирилл был худым мальчишкой. Врачи советовали отдать его в спорт, но, куда ни сунься, кроме ушибов и ссадин, он никогда ничего не получал. Со временем родители оставили попытки приобщить сына к спорту. Зато шахматы давались ему с завидной легкостью, вот только шахматный клуб был далеко, и ездить из их небольшого коттеджного поселка было неудобно. У мамы никогда не было машины, водить она не умела, а папа всегда пропадал на работе. Еще ребенком Кирилл часто задавался вопросом, почему мама живет с человеком, которого видит разве что по ночам и то не всегда. Но мама всегда говорила, что у них с папой особая связь и они любят друг друга несмотря ни на что. Мол, вырастешь – поймешь. Кирилл вырос. Но так ничего и не понял. Мамы не стало, а отец привел в дом мачеху. На этом сказки о любви закончились, как и счастливое детство в теплых и заботливых маминых руках.

Умывшись холодной водой, чтоб побыстрее проснуться, Кирилл вытерся полотенцем, которое, судя по запаху, давно пора было отправить в стирку. Пригладив рукой растрепавшиеся за ночь пшеничного цвета волосы, он улыбнулся себе в зеркало, ища поддержку хотя бы в своем отражении. И снова обманул сам себя. Поверх футболки он натянул толстовку, чтобы скрыть худобу, как в принципе всегда это делал. Джинсы на его рост были ему великоваты в объеме, поэтому приходилось либо выбирать спортивные штаны с завязками, либо затягивать джинсы ремнем, на котором Ки-

рилл сам недавно выбил две дополнительные дырки. Лишь бы мачеха не узнала, что он еще больше похудел. Не то что бы она сильно пеклась о нем, все-таки он не ребенок, но, как минимум, старалась быть не той самой мачехой из сказок. Сегодня он выбрал джинсы.

На первом этаже пахло молочной гречневой кашей и горячими бутербродами с какао. Кирилл старался не завтракать, чтобы избежать неловких семейных посиделок на двоих, но Алина, мачеха, все равно из года в год старалась приготовить завтрак к его пробуждению.

— Я ушел! – крикнул Кирилл, застегивая куртку, но в ответ сначала услышал только быстрое шарканье домашних тапочек. Алина бежала из кухни к нему в коридор, чтобы проводить. Так она тоже делала каждое утро, и Кирилл никогда не понимал к чему все это. Но она сказала, что ей это важно. А ему не принципиально.

— Я знала, что ты как всегда убежишь, но сегодня у тебя важная контрольная, а мы уже говорили, что голодный желудок мозгам не товарищ. Бери с собой, поешь по дороге, - Алина сунула ему в руки небольшой крафтовый пакет, в котором Кирилл отчетливо нащупал контейнер.

— Я не голодный, - выдохнул уже как будто заученную фразу Кирилл и протянул пакет обратно. Алина накрыла его руку своей ладонью и мягко улыбнулась, дав понять, что забирать она ничего не будет.

— Конечно не голодный. Там пара бутербродов, шоколад-

ный батончик и кусочек вчерашнего пирога с капустой, - она лукаво прищурила глаза и чуть наклонила голову в бок, — а будешь стоять в коридоре полчаса, я тебе в термос еще и какао налью. Пока все горячее, - она говорила почти игриво, как будто кокетничала, но в ее голосе все равно едва различимо прослеживался почти материнский тон.

Кирилл кивнул, молча сунул пакет в рюкзак и вышел на улицу. Прохладный ветер дунул в лицо и парень поежился от одной мысли, что следующие пятнадцать минут ему придется топать пешком в школу, которую он ненавидит, чтобы писать контрольную и проводить время в компании одноклассников, которые за эти десять лет ему опротивели. Если уж подумать, то не так сильно он и ненавидел свою школу. Одиннадцать лет назад Кирилл с радостью бежал на первую в своей жизни школьную линейку, знакомился с одноклассниками и был безумно счастливым ребенком. Ему повезло с классом, чуть ли ни самый дружный во всей параллели. Все изменилось года четыре назад, когда гормональный бум как инфекция поразил подростковые головы и превратил их в озлобившихся щенков, которые с радостью кусали друг друга на потеху себе и другим. Поводом для унижений было буквально все от ломающегося голоса и пушка над верхней губой, до роста и веса. Те парни, кто оказался покрепче сложен, сбились в стаю, ориентируясь на один общий интерес — поливание помоями и избивание тех, кому повезло меньше. Кириллу повезло гораздо меньше.

У девчонок, конечно, тоже не все было гладко, но до них ему не было никакого дела. Уже потом он подмечал для себя, что у некоторых явно округлилась грудь, кто-то обзавелся классной задницей, а кто-то как Кирилл и им повезло меньше. Но изгоев среди девочек не было. Ни одна из них не была вечно затюканной и загнанной лошадкой. Может быть, дело было в том, что у них нет тестостерона, который буквально кричит о необходимости привлечь внимание противоположного пола и вынуждает петушиться, а может быть в том, что девочки раньше взрослеют и между собой если и ведут войну, то свою. Тихую, местами подлую, исподтишка, чисто девичью войну.

По пути Кирилл забежал в магазин за пачкой чипсов. Это был обычный ларёк возле школы, и большого разнообразия в ассортименте там не было, но и не было кусающихся цен. Поэтому школьники частенько забегали туда перед школой, после школы, а некоторые сбегали не на долго с территории школы и во время учебного дня, потому что питаться в школьной столовой было не всегда приятно. Выбора не было только у бедняг из началки и льготников, которые реально нуждались в льготах.

День в школе обещал быть тяжелым. Первыми двумя уроками стояла история, по которой Нелли Александровна обещала дать контрольную. В самой контрольной ничего страшного не было. Но в обществе, где быть умным, все равно, что быть единственным горбуном среди красавцев, дни кон-

трольных были сродни пытки.

По результатам этой контрольной Нелли Александровна решит, кто будет представлять школу на городском этапе олимпиады. Кириллу это участие важно, хороший бонус потом при поступлении в институт. Получить балл можно было за одно только участие, поэтому те, кого природа обделила умом, тоже хотели туда попасть. И, соответственно, очень хотели написать эту самую контрольную.

— А вот и наш Нюньчик! – парень у ворот с противным звуком плюнул на землю жвачку и приобнял Кирилла за плечо. — Готов к контрольной?

— Иди к черту, Дудин, я тебе помогать не собираюсь, - выдыхает Кирилл и сам понимает, что зря.

— Прыщенок огрызается, смотрите-ка, оно умеет говорить, - компания ребят сзади заливается животным хохотом. Вряд ли кто-то находил этот действительно нищенский подкол смешным, но Дудин считал себя остроумным и многие, боясь потерять его «дружбу», эту иллюзию мастерски поддерживали.

— Я не шучу, - по коже побежали мурашки от осознания того, что именно он только что произнес. Кирилл редко вступал в перепалки, редко пререкался, боясь лишний раз получить по морде. Но этот день и эта дурацкая контрольная были важны для него самого. Участие в олимпиаде – его первый шаг к свободе. Он уедет учиться и больше никогда не вернется обратно. По крайней мере, план такой.

— У тебя нет выбора, уродец. Или я снова пересчитаю твои косточки, - Дудин прижимает шею Кирилла к себе и шепчет ему почти в ухо, а затем резко отпускает его и тот падает на мокрый асфальт. Руки Кирилла упёрлись в остатки снега, который еще не успел сойти возле школьных клумб.

Аккуратно поднявшись, Кирилл отряхнулся. Несколько ссадин на ладонях щипали от боли, но это не стояло в сравнении с влажной от мокрого асфальта задницей. Ругаясь себе под нос, Кирилл зашел в здание школы и прошел через турникет. Охранник сидел, уставившись в какой-то журнал то ли об охоте, то ли о рыбалке. На деле ни тем ни другим он, конечно, не занимался, но теорию любил. Ему это нравилось почти так же сильно, как блокировать турникет за пару минут до звонка и вызывать к посту охраны завуча для нраво-учительных бесед с детьми о том, как те, кто опаздывает в школу, никогда ничего не добьются в этой жизни.

Стараясь не задерживаться в раздевалке, Кирилл быстро скинул куртку и переобулся. Пока на улице слякоть он будет носить сменку, как примерный ученик, но, как только на улице подсохнет и станет теплее, он и большинство других ребят старше шестого класса забудут о необходимости переобуваться. Так было каждый год. Сколько бы не протестовали школьные уборщицы, справиться со взбалмошными подростками им не удавалось. Единицы сдавались, но хватало трех дней, чтобы сменка снова «пропадала».

Кабинет истории располагался на третьем этаже в конце

коридора. Нелли Андреевна устроилась в школу пару лет назад, а с этого года стала у Кирилла классным руководителем. Предыдущий уволился, когда узнал, что его жена снова ждет ребенка. На зарплату учителя семью не прокормишь. Кирилл по нему не скучал. Был Иван Анатольевич и нет его. Зато Нелли Андреевна моментально покорила сердца своих учеников.

Это была стройная высокая женщина с поставленной дикцией и приятным тембром голоса. Неестественно белые, скорее всего окрашенные, волосы почти всегда были собраны в высокий хвост или пучок. Как правило, новый учитель носила белую блузку, заправленную в тугую обтягивающую юбку черного цвета или широкие брюки, а на ногах плоские «бабушкины» тапочки - единственное, что никогда не менялось в ее внешнем виде.

Нелли Андреевна всегда одевалась довольно странно для молодой девушки. Кирилл не знал точно сколько ей лет, но вряд ли больше двадцати восьми. Хотя внешне она выглядела не старше двадцати одного, несмотря на привычку прятать всю себя под одеждой. Кирилл часто подмечал какие-то мелочи в ее гардеробе. Знал, что у неё чертовски худые ноги и что волосы она перекидывает только на правую сторону, потому что на шее у нее хоть и бледная, но довольно большая родинка.

Через год после того, как Нелли Андреевна стала работать в школе, она открыла кружок по истории, где ребята часто

просили рассказать о каких-нибудь мифах или что-то занятное о древних славянах. Она проводила квизы, викторины и конкурсы среди ребят шестых-восьмых классов по материалу, который давала на занятии. С ребятами постарше они чаще более детально разбирали школьную программу и готовились к городским конкурсам и олимпиадам. Кирилл посещал каждое занятие, и со временем она стала это замечать.

Нелли Андреевна, как всегда строгая и до сумасшествия красивая, стояла возле своего стола. Руки её были сцеплены в замок, а на губах чуть смазана алая помада. Кирилл слабо улыбнулся, догадываясь, что она опять второпях завтракала прямо в школе перед уроком.

— Прошу, садитесь. Ваши задания лежат на партах, со звонком приступите к выполнению. Кирилл? Данилов! — учительница чуть повысила голос, когда Кирилл прошел мимо неё и отправился к задним партам. Шум в классе, как и всегда до звонка, перекрывал голос учителя.

— Да?

— Твоё место — вот здесь, — женщина чуть отошла в сторону, указывая на парту рядом с учительским столом. Это была небольшая одиночная парта, явно старая и отрытая где-то специально для него. На парте лежал с виду такой же листок, как и на всех других. Ничуть не раздумывая, Кирилл бросился к этому месту, словно оно было его спасательным кругом. Сидя там, ему не придется решать задания другим, чему такие как Дудин или Милон были явно не рады. Дудин

не сводил с него глаз, словно с каждой секундой все более отчётливо понимал, что все его надежды рухнули, стоило Кириллу сесть за эту долбанную парту.

— Вы уверены, что это *та* контрольная?, - с нажимом спросил Кирилл, когда прозвенел звонок.

— Уверена, Данилов. Приступай к работе, - на губах учительницы мелькнула улыбка, и Кирилл как-то странно поморщился.

Дверь в кабинет захлопнулась и Нелли Андреевна принялась ходить по классу, упираясь своими огромными карими глазами во всех, кто ей казался подозрительным.

Кирилл взял свою «контрольную» в руки. Наверху он прочел о том, что это образец заявления на участие в конференции по истории древнего мира и мифологии. Поправив очки указательным пальцем, Данилов взял листок, лежащий рядом и принялся переписывать образец на чистый листок, меняя все данные на свои. То ли учительница уже решила, кто поедет на олимпиаду, то ли конкретно с ним все было решено. Кирилл потер глаза указательными пальцами, просунув их под очки, и продолжил заполнять анкету. На последней странице образца в самом углу была еле заметная надпись карандашом. Чуть наклонившись к листу бумаги, он читал и не верил сам себе. *«На олимпиаду отправляем двоих. Ты - один из лучших и, если конечно не против, едешь точно»*. Данилов перечитал записку снова и поднял глаза на учителя. Та уже смотрела на него в ожидании ответа, хотя и так прекрас-

но знала каким он будет. Кирилл замер, видимо ожидая хоть какого-то подтверждения, что это не глупая шутка. Нелли Андреевна еле заметно кивнула. На ее лице снова мелькнула улыбка, словно ей помимо всего прочего хотелось просто поддержать его. Кирилл ответил таким же кивком и поджал губы, стараясь не улыбаться в ответ и не выдать перед одноклассниками, что что-то не так. Пока они гадали, кому же достанется счастливый билет, Кирилл представлял, как после олимпиады поедет на конференцию по одной из своих любимых тем. Пока простым слушателем, но кто знает, может однажды ему удастся стать тем, на лекцию к кому будут записываться заранее.

На перемену Кирилл не вышел. Вжался в парту, пряча свои листы от любопытных глаз. Пока кто-то в коридоре сверял ответы, Данилов молился, чтобы Нелли Андреевна не выходила из кабинета. Второй урок тянулся целую вечность. Имитируя бурную деятельность, Кирилл рисовал на образцах заявлений закорючки, странно сложившиеся в непонятный витиеватый рисунок. Он знал, что как только урок закончится, ему будет нужно оставить листы на столе учителя и бежать. Желательно быстро и далеко. Даже если он не виноват, Дудин все равно на нем отыграется. А припоминая инцидент перед школой, он и вовсе мог решить, что Данилов заранее сам попросил пересадить его.

Звонок прозвенел, и Кирилл сорвался с места как ошпаренный. Нелли Андреевна даже если бы и собиралась, все

равно не успела бы его остановить. Пробираясь через одноклассников, Дудин и Милон торопились сдать свои работы и покинуть кабинет. Нелли Андреевна в попытках контролировать поток сдаваемых работ не сразу поняла, с чем связана такая спешка. А когда поняла, мальчишки уже убежали и кабинет постепенно заполнили вопящие семиклашки, активно вытесняющие одиннадцатый класс.

Надо было разу бежать на улицу. Пусть в легкой обуви и без куртки, но был бы шанс сбежать целым. Простуда в любом случае лучше сломанного носа. Дверь в туалет открылась с большим грохотом. Кирилл замер. Дудин ритмично стучал по его кабинке, намекая, что лучше выйти по-хорошему,

— Выходи, уродец. Долго там все равно не просидишь, а я ждать умею, - в голосе Дудина слышалась улыбка. Он действительно умел ждать, если дело касалось надирания чьей-то задницы. Правда задницы эти, как правило, были младше или слабее, чтобы никому и в голову не пришло дать сдачи.

— Н-нет, - выдохнул Данилов.

— Ты там уже от страха кони двинул? Выходи давай, - ухмыляется Дудин и бьет по кабинке с такой силой, что хлипкий замок отлетает и дверь открывается на распашку — прячь червяка, Нюньчик, и мой руки, - парень отворачивается и корчится в наигранном отвращении.

На мгновение застывший Данилов побледнел. В глазах

мелькнул животный страх, а по телу пробежала мелкая противная дрожь. Крепко сжимая в руках рюкзак, он молился, чтобы его приступ смелости закончился прямо сейчас. Но тело реагировало быстрее, чем он мог сообразить. Злость и обида, копившаяся годами, нашла выход в движении: в порыве Кирилл бросается вперед и, сам того не ожидая, толкает Дудина в стену. Без лишних промедлений, Данилов мчится по коридору к лестнице. Успей он сбежать на улицу, то хоть оттянет неизбежное и будет надеяться, что пыл Дудина поутихнет и удары будут болезненными, но не яростными.

Минуя школьную раздевалку, Кирилл тормозит лишь на секунду, хватая куртку и уличную обувь. Главное добежать, успеть за ворота, а там он и переоденется, и напишет Нелли о том, что кровь из носа пошла, отпросился у медсестры домой. Вообще это было вне школьных правил, но о его проблемах с давлением в обязательном порядке знала и школьная медсестра, и классный руководитель. Его часто отпускали по этой причине. Ученик он не проблемный, успеваемость хорошая, так что отпускали без вопросов. Никто даже проверять не будет. Максимум позвонят отцу или Алине, узнать все ли в порядке, но к тому времени он уже будет дома и что-то придумает. Что-то, кроме того, что его буллит одноклассники и лупят каждого, кто не угодил или, тем более, огрызнулся. Что-то, кроме правды.

Взрослые все равно с этой правдой не справятся. И предпочитают делать вид, что все в порядке. Жестокость подрост-

ков и детей неоправданная и необузданная, продиктованная гормонами и внутренней желчью. Можно провести тысячи бесед, тысячи часов исправительных работ. Но пока эти самые взрослые подают пример, что в мире каждый сам за себя, жестокость не исчезнет. Поколение за поколением – хищники и их жертвы.

Кирилл пронесется, перепрыгивая через турникет. Охранник проводит его недовольным взглядом, фырча что-то себе под нос. Отлов беглецов в его обязанности не входит. Только наблюдение. Тем более, когда ему наконец попалась такая интересная статья про снасти. Он уж было расстроился, что зря взял эту макулатуру.

Выбегая на улицу, Кирилл со всего размаха влетает в широкую спину Милона. Вся школа знает, что из мужского туалета легко вылезти на улицу через окно. Престижная, черт возьми, школа. Все знают и ничего не делают. Все знают, а Кирилл забыл.

Здоровяк улыбается, да так добродушно, что Кирилл понимает – коллекция синяков пополнится прямо сейчас.

Левой рукой Милон хватает его за волосы и откидывает голову Кирилла назад. Так, чтобы его ухо остановилось буквально в миллиметре от его приветливо улыбающегося рта.

— Ну что, крыса, бежишь с корабля? А всего-то надо было тестик решить. Чуток головушку свою напрячь, сказать Нелли про... ну не знаю, метеоризм, например, и сесть на своё место. Чтобы решить наши контрольные, - речь тихая и

спокойная. Милон редко выходит из себя и это всегда пугает еще больше. Он лупит других людей и смотрит на школьную доску с одинаковым выражением лица.

Ему нет дела, кто или что перед ним. Есть четко границы, рамки, за которые он не переступит, но эти рамки, пусть хоть и четкие, но очень подвижные. Милон никогда не оскорбит учителя, никогда не нахамит дома и всегда почти с уважением относится к девочкам. Милон не плохой парень, но выбрал такую компанию. А в этой компании ввалить кому-то из младших классов было нормой, как и отлавливать по одному одноклассников и обязательно следить, чтобы они не сбивались в группы. Держать в страхе одиночек проще, одиночке вряд ли поверят.

Первый удар приходится под дых. Доступ кислорода прерывается из-за резкого спазма, но отпускает буквально через пару секунд. Дышать становится больно и трудно, на глазах непроизвольно проступают слезы и Кирилл чувствует, как громила ослабляет хватку, позволяя однокласснику удариться о землю. Скрючившись на асфальте, как ошетинившийся ёжик, Данилов прикрывает голову от ударов, которые начинают сыпаться градом в тот самый момент, когда во двор вылетает Дудин. Вот так молча, без криков, без ругани, просто утро на школьном дворе, где не все дети хотят помнить о том, что они еще дети. И где об этом не помнят и взрослые.

Спасительный звонок прозвенел не так быстро, как хотелось бы. Плюнув в миллиметре от лица Кирилла, Милон от-

ташил своего придурковатого дружка и они рванули в школу. Опоздавших никто не любит.

Если бы охранник не был безразличным ко всему, что напрямую не касается его увлечений, то наверняка заметил бы, как на мониторе компьютера одна из камер снимает буквально документалку о подростковой агрессии. Но он читал и был поглощен этим занятием. Иронично было то, что дома у него не было даже удочки, не говоря о спиннингах, лодке и всем остальном. У Данилова рыбачил дед. И он точно знал, что для хорошей рыбалки помимо всего прочего, нужна душа. Души у этого упыря в форме охранника не было.

Охрана менялась раз в две недели. Приезжали вахтовики, сменяли друг друга. Жить им можно было прямо в школе. Их всегда было по двое, но напарник этого с ним сидеть не хотел и, как правило, уходил на другой пост. Кирилл, как и многие другие, ждали вторую смену. Муж с женой. Всегда приветливые и очень приятные. Дети у них давно выросли, а внуков пока не предполагалось. И, когда дом совсем опустел, они решили пару недель проводить дома за хозяйством и пару недель вот так в школе. Работа непыльная, да и всегда вместе.

Еще даже толком не закончилось утро, а Данилов уже проклинал этот день. Юркнув за школьные ворота, Кирилл сунул руку в рюкзак и достал телефон. Предупредив Нелли о том, что ушел, он оглядел свои вещи. Мокрые и холодные от остатков снега, они противно липли к коже. Кирилл отрях-

нулся насколько это было возможно и, чуть прихрамывая, пошел как можно дальше. Тупо прямо, куда ноги вынесут.

Мечтая о том, как отомстит, как убьет всех до единого самым изощрённым способом, как выпотрошит их и подвесит вниз головами на всеобщее обозрение, Кирилл вышел к заброшенному дому. Сюда не приходили даже бомжи, место было жутким и совсем не романтичным. Другие заброшенные дома могли пользоваться популярностью у парочек, которым негде уединяться. Некоторые дома почти сразу выкупали семьи, желающие как можно скорее съехать из душного города. Но этот дом продавать было некому. От дома то и не осталось почти ничего, но и на участок тоже никто бы не позарился. Слишком уж история его была неприглядная для любителей загородной жизни.

Еще недавно дом был жилой. Здесь обитала старушка, на вид божий одуванчик. Но с головой, сколько Кирилл себя помнит, она никогда не дружила. Мужа у нее не было, единственная дочь уехала, как только исполнилось восемнадцать, и больше ее никто и не видел. Ей бы как раз приехать и продать этот дом, но кто знает, возможно, ей проще платить налог на это бесполезное имущество, чем снова ворошить воспоминания.

Бабка эта приветливостью не отличалась. Все талдычила о каком-то алтаре и о служении высшим силам. Каким именно, конечно, не говорила, но служение ее было «праведным» и «истинно верным». В свободное от служения время она

долбила своей палкой почтальонов и прохожих за непочтение. Все заявления в полицию были бессмысленными, как и попытки упечь ее в психиатрическую лечебницу. При всей своей дурости, которая была видна невооруженным взглядом, любая экспертиза признавала ее вменяемой и не нуждающейся в опеке и тем более лечении. Писали заявления, полиция их принимала, проводила беседу, но по большей части тоже не совалась к старушке. Мол, чего со старостью воевать?

Прошлым летом поселок охватила паника. Пожар. В этом самом доме. Пока пожарные приехали на место, было уже ясно, что старуха сгорела вместе со своим домом. Соседи потом говорили, что даже криков не слышали. Проснулись от звуков обрушений. Обгоревшее тело старухи нашли на кровати, она даже не пыталась убежать. Кровать у нее была старая, железная с пружинами под матрасом. Старуха не билась в истерику, не звала на помощь. Все выглядело так, как будто она легла и сгорела.

Тело вынесли почти сразу, как только смогли соскоблить остатки обгоревшей кожи с этих самых пружин. Тащить на улицу этот тяжеленный отголосок прошлого никто не собирался. Кровать так и осталась стоять в комнате, единственное напоминание о том, что здесь когда-то кто-то жил. Остальная мебель сгорела. Дом бы тоже весь обрушился, будь он из бруса. Но кирпичные стены выдержали натиск пламени и разве что обуглились местами. Все, что могло об-

валиться, подчистили и убрали. Стараясь сохранить лицо поселка и цивилильный внешний вид, местные прибрали и двор. Но приходили сюда только все вместе, по одному никто не совался. Когда это пепелище стало выглядеть более-менее прилично, сюда больше не приходили. Пару раз жаловались, что кто-то выл внутри и нет-нет, да шептались о том, что видели эту самую старуху.

Этот дом стал местной байкой, типичным поселковым ужасиком, но вместе с тем он был и убежищем для Кирилла. В отличие от других, ему там было вполне комфортно. Не смущал даже оставшийся запах гари, который не выветривался даже спустя столько времени. Он как будто завис с воздухе, слился с ним воедино, и поселился здесь навсегда. Это место было неказистым снаружи и мертвым внутри, об этом месте было некому заботиться и оно само стало отталкивать других. Кирилл находил в этом схожесть с собой. Пусть и не совсем понимал, насколько это бросалось в глаза.

Каждый раз внутрь он пробирался через окно на первом этаже. Когда Кирилл влез сюда впервые, оно было открыто, словно приглашая его. После первого же визита, Данилов изловчился прикрывать окно так, чтобы следы чьего-либо пребывания были незаметны. Дверь была давно опечатана, бумажка выцвела и пожелтела, но трогать ее Кирилл боялся. Боялся, что его поймают и отберут его островок безопасности.

В доме было тихо. Как всегда – никого. Пробравшись в

одну из комнат, Кирилл стряхнул со своего покрывала пыль и уселся. Странно, но эта комната меньше всех пострадала от пожара. Поджав колени, Данилов прислонился спиной к стене и протяжно выдохнул. В боку саднило и, хоть он и не видел, но знал, что на плече и левом бедре наверняка уже красуются огромные синяки. Коленный сустав на правой ноге ныл и не давал забыть о себе ни на секунду с момента падения. Удары были не такие, чтоб ребра сломать или отбить почки, это и дураку понятно. Но больно было достаточно сильно, чтобы по пути делать перерывы и пытаться дышать ровнее.

— Как же я их ненавижу... - шипит Данилов себе под нос, снимая очки, — хочу, чтобы они все сдохли.

В рюкзаке давно остыл завтрак, который ему собрала Алина. Шурша пакетом, Кирилл достал контейнер и взял оттуда бутерброд с колбасой. С каждым новым укусом, он чувствовал, как внутри закипает злость от невысказанных эмоций. После первого бутерброда полетел второй, затем пирог и батончик. Чувство голода прошло, позволяя выйти на первый план потребностям менее простым и более разрушительным для окружающих. Воспоминания прошедшего утра пробирались в голову через воздух и пеленой застилали глаза. Картинки смещали одна другую: школьный двор, туалет, снова двор. Затем предыдущие дни, подколы, упреки. Память подводила своей совершенной точностью, демонстрируя все, вплоть до эмоций, которые он испытывал. И только

будучи подростком он не мог понять, что его эмоции здесь ему не помощники. Они дорисовывали фрагменты, которых не было, но коварная память облицовывала их так, что эти фрагменты вписывались идеально. Вот мама играет с ним во дворе, целует в лоб и качает на руках, когда ему совсем плохо спится, вот они вместе готовят ужин и ждут папу с работы. Папа не пришел. Мама плачет, смеется и утешает своего малыша, который тоже уже готов расплакаться от вида расстроенной мамы. Вот папа пришел, подарил маме букет и извинился, задержали на работе, серьезное совещание. Кирилл интуитивно ему верит, но злится. Злость и обида закипают по чуть-чуть, не сразу. Отца никогда нет рядом. Его нет, когда сына нужно учить давать отпор. Нет, когда сын становится изгоем. Нет, когда из жизни уходит мама и он остается совсем один, брошенный и никому не нужный. Зато отец приводит Алину.

Ненависть давит на рычаг и переключает внимание. Школа. Одноклассники. Он выходит к доске, но его перебивают через каждые пару слов. Учитель не в состоянии это остановить полностью. Даже самый взрослый «взрослый» видит, когда перед ним дикое животное клацает зубами. И с этим диким животным в нашей системе ничего не сделать. Пару замечаний, разве что.

Кирилл идет к своему месту и ему ставят подножку. Падение. Боль. Смех. Первая слеза от обиды на глазах у всех. Ошибка, стоившая ему всей дальнейшей школьной жизни.

Картинки снова лихорадочно сменяются, словно кто-то жмет на кнопку. *«Это все они сделали с тобой. Ты этого не заслужил»*, - шепот еле заметный, но Кирилл принимает его за собственные мысли. Голос в голове такой родной, такой ласковый. Но в доме больше никого нет и, конечно, это его внутренний голос. Только женский. Может быть, память подбрасывает мамин голос, а может просто он сходит с ума.

«Ты имеешь право злиться, ты особенный, тебе просто нужно найти кого-то своего и все это закончится», - голос нежный, убаюкивающий. Но почему-то кажется таким подстрекательским, таким разрушающим изнутри.

«Ты мне важен, ты мне нужен... скажи, чего ты хочешь?» - вопрос без издевки, словно любое его желание исполнится. Это, конечно не так, но в это очень хочется верить. Чего он хочет? Он хочет возмездия и справедливости, а еще... Вопрос въедается в сознание с такой силой, словно живой. Копошится в мозгу, не давая возможности опомниться и вырваться из плена ненависти и желаний. Подскочив на ноги, Данилов вцепился в волосы, будто пытался вырвать этот голос и этот дурацкий вопрос из своей головы, и зарывал, как раненный зверь.

— Я хочу, чтобы они сдохли... - это прозвучало так просто и так естественно, словно эти слова давно ждали своего выхода. Ждали возможности вырваться, огорошить его правдой о том, какой он на самом деле. В ненависти к одноклассникам, он не замечал, *какой он сам*.

— Сдохли, сдохли, сдохли! — повторял он снова и снова, ловя разгон в собственных мыслях. В какой-то момент, он и сам не понял когда, Кирилл запрыгал на месте, отбивая ногами каждое слово такого ненавистного и манящего пожелания. Доски трещали под его мелким бешеным тельцем, но за собственными воплями он ничего не слышал.

Прыжок. Еще. Снова. И доски с хрустом полетели вниз, а вместе с ними и все еще ошалевший Кирилл. Падение заняло несколько мгновений. Он не умел группироваться, не умел правильно падать, поэтому приземлился на колени и рухнул лицом вниз.

Дыхание сперло. Грудь горела ужасающей болью, а из губы и щеки сачилась кровь. Не сумев понять, что произошло, Кирилл попытался встать, но пошевелить ногами так и не смог. Сначала он решил, что его парализовало от страха, сознание сопротивлялось самой мысли о том, что он буквально убил себя, просто не до конца. Поднять голову он тоже не мог, иначе бы увидел, что обе его ноги вывернулись в неестественном положении от удара. Боль была настолько чудовищной, что мозг ее заблокировал, как будто боли и не было. Последний выброс адреналина перед погружением в вечный покой. Тело готовилось к последнему рывку, за которым бы последовала смерть.

Здесь, внизу, тишина была оглушающей. Мысли путались в сбитом сознании, но одно он понимал четко: он провалился под заброшенный дом. Никто не знает, где он. Никто не

будет искать его еще несколько дней, а тем более никто не додумается лезть сюда. Он умрет здесь один от боли, от голода. Он сгниет здесь, мелкое, озлобленное подобие человека.

— Да вашу ж мать — рыкнул Данилов на последнем издыхании. Первой мыслью было найти острый камень и полоснуть по шее, чтобы не мучиться. Второй — попытаться встать и выбраться. И обе они были невозможны, а на первую еще и не хватило бы духа. Неправильно это и страшно. Ноги все еще не двигались. Он не мог встать, не мог осмотреться, не мог вообще ничего.

Более-менее целой рукой Кирилл аккуратно пошарил возле себя, но вместо камня нащупал ровную поверхность похожую на ступень. Зажмурив глаза, он напряг спину и шею, чтобы поднять голову вверх хотя бы немного.

Кирилл постарался разглядеть стену, которую до этого не видел. Глаза привыкли к темноте и, подтаскивая себя на руке, Данилов подполз к невиданному ранее возвышению. Первый раз в жизни он был рад, что к своим годам все еще оставался в весе худощавого подростка. От напряжения кровь быстрее бежала по венам. По этой же причине она сильнее вытекала из ран и капала на землю и плиту, которая оказалась под Кириллом. Он ее не видел. Ее как будто тут и не было. Капли крови, горячие и густые, впитывались мгновенно. На монолитной поверхности не оставалось и следов, она вбирала в себя кровь жадно, как будто столетиями ждала, пока ей дадут напиться. Кирилл смотрел вперед невидя-

щими глазами. Он не замечал ничего вокруг. Его зрачки стали узкими, впиваясь в темноту, различая впереди очертания чего-то похожего на кресло. Кресло ли? Он подтянулся еще совсем немного. В дальнем углу, куда не просачивался тусклый свет, был кто-то, кого Кирилл не мог разглядеть.

— Кир... - голос, навеянный тьмой, казался таким родным и приятным, — Кирилл... - пьянея от звука шепота, Данилов на секунду ощутил боль в ноге, но она сразу прошла, словно кости срослись мгновенно и безболезненно.

— Я иду, иду... - он полз вперед, уже опираясь на ноги, подтягивая их к себе, поднимаясь на четвереньки. Если бы он мог видеть свои ноги раньше и сейчас, он бы видел, что они действительно срослись. Кости и суставы встали на место. Мышцы и жилки срослись и казалось бы стали крепче, чем раньше.

— Кир...

На возвышении на троне сидела женщина. Кирилл не видел ее лица, но слышал голос, чувствовал запах, чувствовал ее саму, как будто она была частью его. Руки и ноги женщины были обвиты золотыми нитями, тускло светившимися в темноте. Свет сверху сюда не проникал, но почему-то в этой темноте Кириллу не было страшно, как это бывает обычно. Когда в темноте мерещится то, чего на само деле быть не может: от лиц до ужасных чудовищ. Казалось, что эти чудовища, даже будучи видениями, боялись здесь оказаться.

Кирилл полз к ее ногам упорно, словно в этом было его

спасение. Единственно верный путь. Женщина молчала. Она не двигалась, он ощущал ее болезненной и иссохшей. Кириллу показалось, что она хочет ему что-то показать, но сил у нее на это совсем не было. Он чувствовал ее желание каждой клеточкой. Нужно было нажать на плитку, вот эту, небольшую, возле нее в стене. Данилов медленно поднялся на колени, упираясь руками в стену, и перебирая ладонями, нащупал плитку в стене. Что-то внутри сопротивлялось, отчаянно паниковало и протестовало против этого, но ее желание было сильнее. И, кажется, важнее всего для него. Когда плитка, наконец, провалилась чуть вниз, пещера наполнилась тусклым светом.

Зрелище, открывшееся перед парнем, было ужасающе притягательным. Первым, что он увидел, были ноги, спрятанные под длинным подолом черного платья. Ткань была легкая, не пышная, казалось, что она буквально струится по телу, обрываясь чуть выше щиколоток.

— Смотри на меня... Возьми меня за руку... - голос раздался в голове, но Кириллу казалось, что она сказала ему это наяву. В голосе слышалась улыбка и теплота.

Кирилл поднялся на ноги и подался вперед. Паника внутри нарастала и отрезвляла. Он замер, пытаясь осознать, что происходит. Что-то страшное и неправильное. Что-то, что никогда не должно было произойти, словно все его человеческое нутро вопило о том, что нужно бежать. Воздух стал тяжелый, вязкий, почти осязаемый. Он посмотрел на жен-

щину еще раз, вглядываясь в нее внимательнее. Как она выжила тут? Как оказалась вообще?

Черные, словно сама ночь одарила их этим цветом, волосы незнакомки спускались до бедер. Почему-то Кириллу подумалось, что время их явно пощадило больше, чем ее саму. Вот только какое время? Сколько она здесь? У лица с левой стороны они были подкреплены серебряной заколкой с изумрудом. В цвет глаз. Лицо не выражало эмоций, но красота её завораживала. Подобных женщин он не видел никогда и, он точно знал, подобных он никогда и не увидит. Красота её была терпкая и сухая, какая бывает только у зрелых женщин, повидавших многое на своем пути. Она была бледная и неестественно худая. Кожа рук серела и покрывалась венами, будто она иссыхала изнутри. Но даже так она была великолепна. Кириллу подумалось, что вернуться в ее тело жизнь, на свете не будет ничего и никого прекраснее, чем она.

— Возьми меня за руку... - снова прошептала она одними губами и чуть наклонила голову в бок. Кирилл оцепенел, но ее желание снова побеждало в нем. Словно под гипнозом, он шагнул вперед и вытянул руку. Недолго думая, он коснулся руки незнакомки. Женщина довольно улыбнулась, а потом впилась своими пальцами в парня с такой силой и яростью, что Данилов сначала испугался и пришел в себя, а потом его сознание просто растворилось в этом прикосновении. Будто она проникла в его разум и заполнила его полностью. Прошла по уголкам сознания, осмотрела все двери и вскрыла

замки. Она проверяла его, искала в нем что-то, но словно не находила. И питалась им. Она искала информацию, которой ей недоставало и вытягивала жизнь по капельке. Он чувствовал, как пальцы женщины становятся все мягче, а он все слабее. Когда она, наконец, остановилась, парень в ужасе отпрянул и бросился в сторону. Осознание происходящего пришло внезапно, как только она отпустила его. Дикий, животный страх прокатился по венам. Он слышал ее в голове. Она заманила его сюда, он провалился и чуть не умер. Точнее, он бы умер, но она его удержала. Сохранила в нем жизнь и исцелила. У нее был свой план, а он жалкая, отчаявшаяся марионетка. Это он знал точно.

— Кто ты? – выпалил парень, машинально ощупывая свои ноги. Он был здоров. Больше ничего не болело. Руки и ноги были здоровыми, дышать было так же легко, как когда он еще не был вечно избытым уродцем, а треснувшие очки, кажется, больше не были нужны.

— Я нравлюсь тебе? – женщина снова склонила голову на бок. На щеках блеснул румянец. Её формы, казалось бы, за несколько мгновений заметно округлились. Кожа побелела, и Кириллу показалось, что она чем-то напоминает ему мать. Такая же худощавая, хрупкая и высокая, наделенная тем же неуловимым шармом. Но, кроме того, в ней было что-то пугающее. Возможно, все дело было в глазах. Да-да, именно глаза, они казались не вполне нормальными, слишком страшными. Они напоминали глубокое озеро с зеленоватым

отливом, в котором живет гигантская ядовитая змея. Когда женщина посмотрела на него, чуть-чуть прищурившись, по коже парня пробежал морозец. Но тут она вдруг улыбнулась, и её жуткие глаза наполнились теплом.

— Кто ты, черт возьми, такая? — четко повторил парень, стараясь сопротивляться чарам.

— Кто я зависит от того, нравлюсь я тебе или нет, - она улыбнулась. Черт возьми, тетка, сидящая на троне в темноте, которая еще минуту назад была гребаной мумией теперь улыбалась ему и была необычайно красивой.

— Нравишься, - в подтверждение своих слов он чуть кивнул, сам того не осознавая. Врать было глупо и бессмысленно. Она не могла не нравиться. Любому бы понравилась.

— Не врешь. Чувствую, ты не обещанный мне, но это мелочи, - ядовитая змея проскользнула в ее взгляде и замерла, будто раздумывая, как быть дальше, — Меня зовут Морана, сладкий, и у меня для тебя есть предложение, - улыбка женщины отчего-то стала больше походить на звериный оскал хищника, загнавшего жертву в угол, — но для начала будь другом,ними эти оковы, я не враг тебе...

Морана, Морана... Имя женщины словно выжигалось на черепе, забивалось под корку. Но оно не было новым для него... мифы... Морана... богиня...? Страх, окутавший его, заставлял тормозить, но он упорно шел к ней. Как будто чувство самосохранения покинуло его разум, но не тело. Отчего-то ей хотелось доверять. Особенно теперь. Пусть это и

безумие, но выбраться отсюда он все равно не сможет, так почему бы тогда не совершить какую-нибудь несусветную глупость.

— Я не враг тебе, - снова повторила брюнетка и, как на поводу, Данилов подошел к ней и освободил её руки...